Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 162–168
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):162–168
Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 328.3
https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-162-168 EDN URXTAO

Современный российский парламент: специфика формирования и элитарный состав

Давид Кромвелович Григорян[1, 2]

[1]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, davo-davo23@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9411-8418

[2]Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье проводится анализ становления и развития института парламентаризма в современной России. Рассмотрены процесс и результаты парламентских выборов постсоветской России, качественный и количественный состав депутатского корпуса. Выявлено, что российская правящая элита формировалась в непростых условиях, не смотря на это, наблюдается последовательное укрепление вертикали власти в современной России.

Ключевые слова: бюрократия, депутаты, массовое сознание, парламент, политическая элита, парламентские выборы, политическая борьба

Для цитирования: Григорян Д. К. Современный российский парламент: специфика формирования и элитарный состав // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 162–168. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-162-168. EDN URXTAO

Politology and ethnopolitics

Original article

The modern Russian parliament: specifics of formation and elite composition

David K. Grigoryan[1, 2]

[1]South-Russia Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia,
davo-davo23@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9411-8418
[2]Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article analyzes the formation and development of the institution of parliamentarism in modern Russia. The process and results of parliamentary elections in post-Soviet Russia, qualitative and quantitative composition of the deputy corps are considered. It is revealed that the Russian ruling elite was formed in difficult conditions, despite this, there is a consistent strengthening of the vertical of power in modern Russia.
Keywords: parliament, political elite, mass consciousness, bureaucracy, parliamentary elections, political struggle, deputies

For citation: Grigoryan D. K. The modern Russian parliament: specifics of formation and elite composition. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(3):162–168. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-162-168. EDN URXTAO

Необходимость и важность изучения вопросов формирования парламента и специфики партийного контингента не вызывает сомнения, т.к. от принятых решений парламентариями зависит дальнейший путь развития нашей страны. Российская правящая элита формируется в непростых, противоречиво развивающихся политических, экономических и этнонациональных условиях. Негативно сказывалось соперничество между президентскими структурами и парламентом в лице Государственной Думы (такого мнения придерживалось 57,9 % из 475 опрошенных в марте 1999 г. в качестве экспертов депутатов и государственных служащих государственных органов федерального и регионального

© Григорян Д. К., 2023

уровней). И далее – отсутствие прочных традиций парламентаризма (53,5 %); недостаточность конституционных полномочий парламента (30,5 %); неразвитость партийно-политических движений (30 %) [1, с. 41]. В деятельности парламента политическая функция нередко доминировала над законотворческой и контрольной. Это вольно или невольно превращало парламент в арену идеологических дискуссий и бесплодных политических столкновений. Срабатывал также закон бумеранга: парламентские инициативы воспринимались в обществе с недоверием, наталкивались на противодействие со стороны не только оппозиции, но и исполнительной власти.

В массовом сознании сложилось стереотипное восприятие парламентариев не как конструктивной, а скорее обременительной для общества и государственного бюджета надстройки. Даже не смотря на то, что выборы существенно изменили структуру парламента. Самую многочисленную группу в Верховном совете образца 1989 г. составляла не партийная номенклатура недавнего советского прошлого, а критически настроенная против бюрократических порядков советских времен и жаждущая реформ интеллигенция (увеличение в пять раз – с 7 % до 35 %). Доля хозяйственных руководителей увеличилась в три раза. Советы перестали быть марионеточными и однозначно послушными воле партии. Центр управления и общественного внимания уверенно перемещался из ЦК КПСС в Верховный Совет страны. Соответствующим образом менялся качественный состав депутатов других уровней. В составе Верховного Совета РСФСР созыва 1991 г. было 61,2 % представителей творческой интеллигенции, научного сообщества и СМИ, 12,9 % хозяйственных руководителей крупных госпредприятий и лишь 7,9 % представителей рабочего класса. Не говоря уже о мизерном представительстве колхозного крестьянства [2, с. 96–97]. Такая кадровая структура задавала соответствующее позиционирование депутаткой элиты и как следствие отражалась на качестве ее законотворческой деятельности.

В подавляющем большинстве в демократизирующемся отечественном парламенте, таким образом, были представлены профессиональные группы, статусно и профессионально далекие от реальной политики и проблем общественного развития, от правотворчества и социально заинтересованного публичного управления. Среди депутатов не было представителей частного сектора. Отчуждение сохранилось и в последующем, когда в составе российского парламента, например, формата 1993 г. представительство рабочих и крестьян сократилось вдвое. Партактив не превышал двухпроцентной прослойки. Каждый десятый мандат оказался в руках бизнеса. Каждый третий (32,4 %) член Совета Федерации – руководитель или крупный менеджер государственного предприятия [3, с. 16].

Именно в такой достаточно радикальной переориентации состояла главная трудность становления демократической системы элитообразования в девяностые годы – трудность воспитания, инкорпорации, профессионализации, ротации и национализации элит. В том числе в ее пространственном сочетании институтов президентства, парламентаризма, губернаторства, разделения власти, публичного контроля. Трудности были серьезные. Законы демократии в рамках новой конституции действовали, с трудом, но все-таки побеждали. Перестроечные годы стали началом нового этапа в истории реализации отечественного избирательного права и освоения новых форм функционирования законодательно-представительных органов государственной власти, а значит, и новой системы позиционирования и функционирования политических элит. Избирательный процесс как «школа демократии», способная противостоять авторитарным тенденциям, постепенно сокращала расстояние между властью и обществом, помогала гражданам понять стратегическую пользу идеологического компромисса, политического сотрудничества и социального консенсуса.

Страна, как говорится, «вживалась» в демократию, стремилась к консолидированной власти и к высокопрофессиональной элите. Даже в драматических условиях 1993 г., когда под сомнением была поставлена возможность общественной стабильности, территориального единства и российской государственности в целом. Политико-идеологическое противостояние в высших эшелонах власти, серьезные сбои в управлении, социальные негативы радикальных реформ и активные сепаратистские устремления требовали не просто выборов, а решительных их трансформаций. В том числе с точки зрения изменения избирательного законодательства – отказа от института съезда народных депутатов, создания двухпалатного российского парламента, перехода от мажоритарной к смешанной избирательной системе. Политическая борьбы продолжалась, но не силовыми, а все более цивилизованными методами. Более заметную роль стал играть Совет Федерации [4, с. 4–6].

Парламентские выборы 12 декабря 1993 г. с учетом известных сложностей и чрезвычайности социально-политической ситуации проводились по «укороченному регламенту», различались

по продолжительности и напряженности избирательных мероприятий. Впервые в отечественной практике осуществлялось государственное финансирование избирательных объединений. Право на участие в выборах получило 13 из 140 зарегистрированных в Минюсте России политических объединений. Победителями, как известно, оказалось восемь партий: ЛДПР – 64 мандата, «Выбор России» – 64, КПРФ – 42, «Аграрная партия России» – 37, «Женщины России» – 23, «Яблоко» – 27, «Партия российского единства и согласия» – 22, «Демократическая партия России» – 14.

Выборы позволили сформировать парламент нового формата и затем исполнительную власть. Более понятными стали политические позиции и реальные возможности ведущих политических акторов, в том числе претендующих на элитно-лидерские позиции: первые места заняли выдвиженцы ЛДПР и КПРФ. Средний возраст депутатского корпуса – 47 лет. Среди депутатов нижней палаты нового парламента было 46 женщин –10,1 %. На выборах победило девять представителей СМИ, семь профессиональных работников правоохранительных структур, пять военнослужащих. В составе Думы было представлено 46% законодателей разных уровней, 6 % ответственных работников исполнительной ветви власти, 7% представителей государственной экономической сферы и частного бизнеса, рабочих – 1,5 %[1].

Выборы показали, что в стране многое изменилось, причем изменилось кардинальным образом. Политические партии оказались не только готовыми к выдвижению вполне достойных кандидатов, но и способных к активной политической борьбе с учетом трудностей в экономике, падения уровня жизни, роста недовольства людей и их нежелания поддерживать кого бы то ни было [5, с. 380]. Именно в этот период на обновленной политической платформе были заложены основы новой системы политического элитообразования и элитно-лидерского позиционирования – нового парламентаризма, новой системы статусных требований к главе государства, новой системы местного самоуправления, новой судебной системы. Элитно-лидерские позиции стали определяться президентскими и парламентскими выборами, поиском нового порядка формирования губернаторского корпуса и властных структур на уровне муниципального управления.

Весьма неожиданный характер носили парламентские выборы 1995 г. Пятипроцентный барьер (порог представительства) преодолели только четыре из 43 блоков и объединений, участвовавших в предвыборном марафоне, результатом стало то, что при всей многовариантности выбора избиратели распределились на несколько относительно устойчивых групп: «демократы», «консерваторы», левотрадиционалисты», «державники», «центристы». Остальные – «болото» в состоянии броуновского движения с бесконечными сменами своих политических предпочтений. После подсчета голосов и соответствующего распределения мест по общефедеральному округу 99 мандатов получила КПРФ (по одномандатным округам 53); 50 + 1 соответственно – ЛДПР; 45 + 10 – «Наш дом–Россия»; 31+14 – «Яблоко». Активизировалась Аграрная партия. На лидерские позиции вышла КПРФ: число голосов избирателей 15,4 млн (22,3 %), суммарное число мест в Государственной думе – 157. По одномандатным округам 34,2 % мандатов получили «независимые кандидаты». Кандидаты от партии «Наш дом – Россия!» победили лишь в 10 избирательных округах. Можно сказать, что в итоге проявилась биполярность российского электорального пространства: сторонники нынешней «партии власти» – сторонники «прошлого» в лице коммунистов. Все остальные оказались в осадке. Фактом также стала устойчивая ниспадающая авторитета КПСС.

В нижнюю палату было избрано 10,3 % женщин,15,7 % депутатов (каждый шестой) в возрасте до 30 лет, с высшим образованием – 94,7 %. Ведущее место заняли депутаты, получившие естественнонаучное и инженерно-техническое образование (33,3 %), второе место – экономисты (14,6 %). Далее расположились депутаты с гуманитарным образованием – историки, политологи, писатели, журналисты (13,7 %). Юристы составляли 13,1 % от общего состава депутатского корпуса. Каждый третий – кандидат или доктор наук. Каждый пятый с научной степенью по юридическим наукам. Причем уровень образования депутатского корпуса неуклонно возрастал: с 93,4 % в 1993 г. до 98,2 % в 2003 г. и практически 100% в последующем. Многие (24,5 %) до этого избирались депутатами областных, краевых и республиканских советов. 17,6 % (т.е. каждый шестой) ранее были депутатами Верховных Советов РСФСР и СССР. Немало (18,0 %) до избрания замещали должности руководителей коммерческих структур, каждый четвертый работал в партийных, советских или комсомольских органах. А вот представители

[1] 1993: Russian legislative election //en.wikipedia.org›wiki/1993_ Russian_legislative_election (дата обращения 11.12. 2022 г.).

рабочего класса завоевали лишь 6 % депутатских мандатов – чуть больше, чем это было в парламенте предыдущего созыва. Среди них один заводской мастер и один фермер. Сейчас в Государственной Думе депутатов-рабочих нет. Как и практически нет представителей творческой интеллигенции и журналистского сообщества. Наиболее значима динамика роста по трем категориям – военные, управленцы и предприниматели. Доля военных с 1993 г. до 2003 г. возросла – с 3,9 % до 11,1 %, т.е. почти в три раза [6].

В парламентской предвыборной гонке 1999 г. участвовало 26 партий, движений и блоков, пятипроцентный барьер преодолело шесть. Парламентское большинство составили представители КПРФ (113 мандатов), движения «Единство» (73) и блока «Отечество – Вся Россия» (68). Нижняя палата обновилась на две трети своего состава. Среди депутатов стало больше независимых депутатов. Также был развеян миф о полевении российского общества после кризиса 17 августа 1998 г. – количество депутатских мандатов у КПРФ уменьшилось на 28 %. Относительное поражение потерпела партия «Яблоко» (5,9 % голосов – на 25 мандатов меньше, чем в Государственной думе предыдущего созыва). Обращает на себя внимание большое число избирателей, проголосовавших «против всех». В депутатском составе стала четко просматриваться тенденция сокращения доли представителей государственного сектора экономики, науки и образования. В дальнейшем направленность и динамика изменений по указанным параметрам сохранилась. Если главной неожиданностью выборов в Государственную Думу 1993 г. была победа ЛДПР, в 1995 г. – партии коммунистов, то сенсацией избирательного процесса 1999 г. стал выход на передовые позиции межрегионального блока «Единство» (73 мандата) и движения «Союз Правых Сил» (29 мандатов). Существенно были потеснены КПРФ (44 мандата), ЛДПР (34 мандата), Яблоко (25 мандатов)[1]. Не менее впечатляющим было также то, что 8,3 % голосов СПС были добыты не в результате эмоциональной наступательно-популистской пропаганды, не путем компрометации политических соперников, а в результате того, что избирателям была предложена более привлекательная по сравнению с другими программа праволиберальной направленности.

Страна и ее политический класс на практике убедились как быстро меняются политические идеалы и предпочтения элит. Общество поняло как легко можно растерять элитно-лидерский капитал в динамично меняющемся политическом пространстве. Сыграл свою роль также фактор «частного интереса». Избиратели понимали, что после государственного переворота 1991г. с каждым годом во власть, а значит, и в ряды правящей элиты стало проникать все больше субъектов, которых «не особенно заботил государственный интерес». Более того, постсоветская политическая реальность, сформировавшаяся в результате реформ 1990-х годов, стала фактором закрепления во власти «неономеклатурной элиты», т.е. элиты обновленного формата, формирующейся в условиях глубоких политических потрясений [7]. В элитном слое «мирно уживались» представители самых разных корпоративных интересов, политических воззрений и ценностных ориентаций.

Депутаты объединялись не только по партийной принадлежности, но и в неформальном порядке по профессиональному признаку и территориальным землячествам. В структурном составе делегатов Первого Съезда народных депутатов РСФСР (16 мая – 22 июня 1990 г.) насчитывалось 25 такого рода групп – «Военнослужащие», «Организаторы народного хозяйства», «Продовольствие и здоровье», «Чернобыль», «Дальний Восток и Забайкалье», «Экология», «За возвращение гражданства Солженицыну». Фактически происходила интеграция политических сил через размежевание, что было своего рода защитной реакцией политического пространства в условиях социального кризиса, когда традиционные методы преодоления конфликтов часто оказывались неадекватными новой исторической ситуации [8, с. 255]. Усилил свои позиции бизнес, сохранилась тенденция сокращения в составе депутатской элиты представителей творческой интеллигенции, работников госаппарата и СМИ. В ускоренном режиме теряли свои лидерские позиции даже самые уважаемые ранее партийные функционеры, в том числе первые секретари крайкомов и обкомов партии.

Соответствующим образом в 1999 году сработал административный ресурс – противоправная и в подавляющем большинстве случаев аморальная форма обеспечения искомого результата. Административный ресурс позволил подключить необходимые бюджетно-финансовые и сугубо бюрократические возможности. Не исключался психологический шантаж, коррупционный подкуп, манипуляция общественным сознанием, фальсификации в процессе подсчета голосов и подведения итогов голосования.

[1] Выборы в Государственную думу (1999) – Википедия // ru.wikipedia.org›Выборы в Государственную думу (1999) (дата обращения 11.12. 2022 г.).

Таким образом, «организовывалось нужное воздействие». Обеспечивался нужный накал поддержки, с одной стороны, и нужная активность оппозиционного сопротивления, с другой. Именно таким образом избирательный процесс направлялся в «нужное» русло.

А теперь проанализируем данные, представленные О.В. Крыштановской в монографии «Анатомия российской элиты» [2] и дополненные современной государственной статистикой (см. табл. 1)[1]:

Таблица 1 - Стартовый социальный статус при входе в парламентскую элиту

Table 1 – Starting social status at the entrance to the parliamentary elite

	ВС РСФСР	**Гос-дума**	**Совет Федерации**	**Гос-дума**	**Совет Федерации**	**Гос-дума**
	1991	**1993**		**1999**		**2016**
Рабочие, крестьяне	7,9	4,4	2,4	6,2	3,0	0,2
Представители творческой интеллигенции	53,5	37,2	31,8	28,1	22,4	0,5
Учащиеся вузов, техникумов, колледжей, спортсмены	4,6	2,3	5,3	1,4	3,6	4,0
Партийный и профсоюзный актив	4,6	1,9	2,9	4,3	4,7	2,3
Хозяйственные руководители госпредприятий, ИТР	12,9	12,3	32,4	10,7	16,4	7,2
Руководители и ведущие ученые НИИ, КБ, вузов, педагоги	1,2	4,4	3,5	4,5	3,0	8,0
Работники органов исполнительной власти	6,2	4,9	0,6	1,9	6,7	15,3
Представители СМИ, специалисты по связям с общественностью	1,7	2,1	0,0	0,5	0,0	5,3
Представители хозяйствующих субъектов, в том числе аграрии, медики, экономисты	0,4	2,3	0,6	4,1	0,6	14,2
Управленцы, руководители и служащий региональных администраций	1,7	4,2	7,6	6,2	10,4	12,6
Военные и офицеры спецслужб	4,1	5,3	1,8	8,8	10,3	4,5
Сотрудники правоохранительных органов	1,2	2,2	2,3	1,9	1,8	7,3
Представители бизнеса	0,0	9,8	6,5	17,9	14,7	13,3

Представленные в таблице данные свидетельствуют, что основным источником формирования государственного элитного политико-управленческого слоя на начальном этапе становления постсоветской России была творческая интеллигенция (53,5 %). А если к этому добавить представителей науки, вузовских специалистов и СМИ, то получается, что в системе народного представительства (61,2 % депутатского корпуса, да еще плюс 3-4 % учащихся и студентов) подавляющее большинство составляли представители социальных групп, объективно далеких от политики и профессионального государственного управления. Они то и задавали политический позиционный тренд и определяли итоговое качество нового российского парламентаризма.

[1] Госдума 7 созыв. Статистика депутатов. Часть 3 // pikabu.ru›story/gosduma_7_sozyiv…deputatov_chast… (Дата обращения 12.12. 2022 г.).

Прослойка депутатов, имеющих опыт работы в органах исполнительной власти и профессионального партийного актива, не превышала 10–12 %. Правда, более половины депутатов на момент избрания находились в оптимальном интеллектуально-творческом возрасте – средний возраст депутатов составлял 53,7 года. Все с высшим образованием, 55 депутатов с учеными степенями доктора наук, 105 – кандидаты (преимущественно экономических и юридических) наук. Существенные позиции в правящей среде занимали выходцы из правоохранительных органов и силовых ведомств – примерно 12–14 %. Постепенно росло количество представителей региональных органов власти. Работники производственно-экономической сферы составляли 20,8%, из них 11–16% представители частного бизнеса. В персональном составе Верховного Совета СССР созыва 1991 г. таких насчитывалось лишь 21,2 %. Частный бизнес, естественно, отсутствовал.

Лишь в последующем ситуация существенным образом изменилась - наступал период олигархизации власти, ее распределения и контроля. Заметно уменьшилось число «профессиональных политиков», зато количество представителей крупного бизнеса за первых десять лет существования новой России выросло в 15 раз. Рабочие и крестьяне в российском парламенте практически исчезли – два мандата в Государственной Думе V созыва. А вот бывшие губернаторы, главы муниципальных администраций, председатели региональных парламентов и профсоюзные активисты в Государственной Думе VII созыва получили 112 мандатов. Региональная номенклатура была представлена 45 депутатами. Заметно убавилось представительство сферы культуры и медиа бизнеса – всего 17 мандатов[13].

Постепенно развеиваются многие мифы. В частности, миф о том, что «Единая Россия» – партия чиновников – в ее парламентской фракции представителей из органов исполнительной власти всего 10 %; миф о том, что КПРФ представляет пенсионеров и деревенский электорат – депутатов-коммунистов из села только 2 %; миф о том, что «Справедливая Россия» имеет качественно иной («новый») профессиональный и социальный состав – статистика показывает, что среди депутатов-эсеров самая большая доля чиновников (11 %) и еще больше представителей коммерческих структур (24 %)[1].

Аналогичные тенденции характерны для верхней палаты – практическое отсутствие представителей рабочих и крестьянства, резкое сокращение творческой интеллигенции при параллельном увеличении количества отставных руководителей государственных организаций. Не особенно высоки и рейтинги одобрения парламента. Рейтинг Государственной думы к концу 2019 г. закрепился на уровне 33–38 %, а Совета Федерации – 39–41 %[2]. Общее число членов Совета Федерации – 187 человек (состояние на начало 2020 г.), из которых 170 – представители субъектов Российской Федерации (по два представителя от каждого из 85 субъектов) и 17 сенаторов, которые назначались президентом страны. После введения поправок 1 июля 2020 г. президентская квота увеличена до 30 человек. Сенаторы обладают неприкосновенностью, они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, а также подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей. До 2002 г. в Совете Федерации заседали губернаторы и главы законодательных собраний регионов. В ходе реформы их заменили на региональных представителей.

В результате, как показал опыт, роль региональных элит в федеральной политике заметно снизилась, и наоборот, наблюдалось последовательное укрепление так называемой вертикали власти.

Список источников

1. Оценки политической ситуации и институтов государственной власти // Социология власти. Информационно аналитический бюллетень РАГС. 1999. № 2-3.

2. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. Монография. М.: Захаров, 2005. 384 с.

3. Парламентская демократия и федерализм в России и Германии : Опыт совместного исследования росийских и германских ученых. Монография / Под общ. ред. А. Мацнева, М. Момзен. Москва-Мюнхен-Вюрцбург: Фонд Ханнса Зайделя, 1999.

4. Емельянов А. М. Государство и демократия / Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений. Тезисы докладов и сообщений на Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 10-11 сентября 1996 г. Вып. 1. Ростов-н/Д.: СКАГС, 1996.

[1] Половина депутатов Госдумы до избрания работала... // rg.ru›2008/08/25/gosduma.html (дата обращения 12.12. 2022 г.).

[2] ВЦИОМ: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_ gosudarstvennyx_institutov/(дата обращения 12.12. 2022 г.).

5. Краснов Ю. К. Государственное право России. История и современность. М.: Юристъ. 2002. 733 с.
6. Гаман-Голутвина О. В. Государственная дума ФС РФ 1993–2003 гг.: эволюция персонального состава // Власть. 2006. № 4. С. 27–34.
7. Григорян Д. К. Элитарно-избирательные технологии как инструмент легитимации элитно-лидерского позиционирования// Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 167–173. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-167-173
8. Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Издательский сервис, 2004. 542 с.
9. Кынев А. В. Государственная Дума РФ VII созыва: между «спящим потенциалом» и партийной дисциплиной // Полития. 2017. № 4. С. 69–70.

References

1. Assessment of the political situation and institutions of state power. *Sociology of power. Informational and Analytical Bulletin of the RAGS.* 1999;(2-3). (In Russ.)
2. Kryshtanovskaya O. V. *Anatomy of the Russian elite.* Monograph. Moscow: Publisher Zaharov; 2003. 384 p. (In Russ.)
3. *Parliamentary democracy and federalism in Russia and Germany: The experience of joint research of Russian and German scientists.* Monograph / Under the general editorship of A. Matsnev, M. Momzen. Moscow-Munich-Würzburg: The Hanns Seidel Foundation; 1999. (In Russ.)
4. Emelyanov A. M. State and democracy. In: *Political and administrative elite and public service in the system of power relations. Abstracts of reports and reports at the All-Russian Scientific and Practical Conference.* Rostov-on-Don, September 10-11, 1996. Issue 1. Rostov-on-Don: SKAGS; 1996. (In Russ.)
5. Krasnov Yu. K. *State Law of Russia. History and modernity.* Moscow: Jurist; 2002. 733 p. (In Russ.)
6. Gaman-Golutvina O. V. The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 1993-2003: the evolution of the personnel. *Vlast'*. 2006;(4):27–34. (In Russ.)
7. Grigoryan D. K. Elite-electoral technologies as a tool for legitimizing elite-leadership positioning. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(1):167–173. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-167-173
8. Biryukov N. I., Sergeev V. M. The formation of institutions of representative power in modern Russia. Moscow: Publishing Service, 2004. 542 p. (In Russ.)
9. Kynev A. V. The State Duma of the Russian Federation of the VII convocation: between the "sleeping potential" and party discipline. *Politiya.* 2017;(4):69–70. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. К. Григорян – кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности РЮИ МВД России.

Information about the author

D. K. Grigoryan – Cand. Sci. (Polit.), Professor at the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – Branch of RANEPA; Associate Professor at the Department of Criminalistics and Investigative Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 27.07.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 10.07.2023; approved after reviewing 27.07.2023; accepted for publication 28.08.2023.